

В кругу российских парижан Г. производил «впечатление блаженного» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 533), чудака, что, возможно, помогло ему, еврею, уцелеть в годы немецкой оккупации: будучи убежденным фаталистом, он остался в Париже, не скрывался, неоднократно чудом избегал ареста. Считал себя солнцепоклонником: «Отец мой, солнце, я с тобой сегодня / Лицом к лицу — / К тебе влекусь любовью и свободней, / Чем сын к отцу» (Памяти **Е. А. Баратынского** // Жалоба и Торжество. С. 8) — и буддистом; Г. Газданов передает в этой связи признания Г.: «Меня всегда привлекало это непрекращающееся пантеистическое движение, это понимание того, что ничто не важно и что важно все, этот синтез отрицания и утверждения, который дает нам единственную возможность гармонического видения мира. Собственно, не мира, а миров, которые возникают, исчезают, появляются вновь в преображенном виде, и время — это только бессильный свидетель их бесконечно-го смещения» (Памяти Александра Гингера // Новый ж. 1966. Кн. 82. С. 128). Похоронен Г. был по буддийскому обряду.

В послевоенные годы Г. выпустил в свет четвертую книгу стихов «**Весть**» (Париж, 1957), состоявшую из 12 стих. 1939–55, и итоговый сб. «**Сердце. Стихи. 1917–1964**» (Париж, 1965), включавший избранные 36 стих., в большинстве своем из ранее изданных книг, частично переработанные. В своеобразном риторико-молитвенном стиле Г., получившем новое развитие в «Вести», обнаруживались параллели как с поэзией русского авангарда (Ю. П. Трубецкой подмечал «какое-то тайное сродство с Хлебниковым, даже с Пастернаком» // Новый ж. 1957. Кн. 50. С. 286), так и с поэзией мысли Баратынского (В. Р. [В. А. Рудинский] // Возрождение. 1957. № 66. С. 130–131) и с одической стилистикой XVIII в.: «Его традиция державинская и отчасти футуристическая. Именно поэтому в Париже его как-то чуждались, хотя и признавали <...> муза Гингера — громкая, важная (в значении не современном, а в том, которое важности придавалось в 18-м веке). Гингер — торжественно вещающий энтузиаст этой своей важной музыки» (Ю. Иваск // Опыты. Нью-Йорк. 1957. Кн. 8. С. 135). Не созвучные основной тематико-стилевой и эмоциональной тональности эмигрантской поэзии, стихи Г. в ряду творческих опытов его современников — русских парижан — стояли особняком; Н. Д. Татищев обнаруживал ближайшую аналогию им не в поэзии, а в живописи М. Шагала, своеобразно-

го двойника Г.: «Оба они воспринимают этот мир и нашу жизнь под солнцем как некую радостную и невинную игру <...>. Все в этом искусстве настолько оригинально, что вряд ли кто-нибудь решится ему подражать <...> оба с первых же шагов нашли себя, свой стиль, как играющие дети» (Возрождение. 1965. № 168. С. 114).

Лит.: Бахрах А. По памяти, по записям: Лит. портреты. Париж, 1980. С. 140–145; Померанцев К. Сквозь смерть: Воспоминания. Лондон, 1986. С. 53–60; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–74). Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 227–231; Чагин А. «Насквозь мужественный мир» А. Гингера // Евреи в культуре Русского зарубежья. Т. 4. Иерусалим, 1995.

А. В. Лавров

ГИНЗБУРГ Евгения Соломоновна (Семеновна) [7(20).12.1903, Казань — 25.5.1977, Москва] — прозаик.

Родилась в семье фармацевта. Окончив в июне 1924 казанский Восточно-педагогический ин-т, работала учительницей в школах Казани, затем ассистентом кафедры методики преподавания обществоведения Восточно-педагогического ин-та и ассистентом кафедры истории Западной Европы в татарском коммунистическом ун-те. К этому времени относятся первые опубликованные ра-

Е. С. Гинзбург

боты Г. по методике преподавания общественных дисциплин и краеведению.

По свидетельству Г., с 1929 она начала «преподавать в вузах курс по истории ВКП(б) и ленинизму». В 1930–33 преподавала историю ВКП(б) во вузе при казанском мыловаренном заводе, затем с сент. 1933 по окт. 1935 Г. «работала в казанском университете в должности доцента по истории ВКП(б) и ленинизму». В 1935–37 была сотрудницей газ. «Красная Татария».

Вслед за арестом мужа, П. В. Аксенова, состоявшего членом Татарского обкома ВКП(б), в февр. 1937 последовал арест Г. Ей было предъявлено обвинение в том, что она «является участницей контрреволюционной троцкистской группы в редакции газеты „Красная Татария“... вела троцкистскую работу совместно с троцкистами... и тем самым оказывала пособничество контрреволюционной троцкистской организации, совершившей убийство С. М. Кирова и подготавливавшей новые террористические акты против руководителей партии и советского государства, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58–8 и 58–11 УК РСФСР с применением закона от 1.12.1934». На суде Г. виновной себя не признала, однако ей был вынесен приговор: «подвергнуть тюремному заключению сроком на десять лет с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества». После 730 дней одиночного заключения Г. была отправлена в лагерь на Колыму. По окончании срока заключения в ГУЛАГе Г. с 1947 по 1949 находилась в Магадане на поселении, где некоторое время у нее проживал сын Василий (будущий писатель В. Аксенов). В окт. 1949 последовал новый арест, следствием которого стала ссылка на бессрочное поселение. 25 июня 1955 постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР Г. была реабилитирована «за отсутствием состава преступления» и освобождена от спецпоселения.

До 1966 Г. жила во Львове, где работала внештатным корреспондентом в местной газ. По собственному признанию, писала «ради хлеба насущного» расхожие статьи и очерки для периодической прессы, главным образом педагогические».

В это же время Г. работает над циклом мемуарных произведений, своеобразных «беллетризованных воспоминаний», который в 1963 открыла книга **«Так начиналось. Записки учительницы»**. Рецензируя книгу, Б. Невская отмечала, что автору «живо и образно» удалось воскресить «страницу из

истории формирования первого поколения татарской советской интеллигенции». Достоинством книги, по мнению рецензента, явилось и то, что «автору... удалось правдиво передать неповторимое своеобразие общественной атмосферы двадцатых годов с ее, быть может, несколько наивным и прямолинейным, но горячим и светлым романтизмом, передать неподдельный пафос и энтузиазм эпохи». Однако Б. Невская отмечала у Г. и «некоторый налет сентиментальности — словно она глядит на страну своей юности сквозь розовую дымку». Кроме того, в книге Г. остался не раскрыт подлинный драматизм эпохи, неоднозначность исторических процессов, происходивших в стране. Это отмечала и рецензент: «Не всегда так гладко, как в книжке, разрешались острые, порою болезненные конфликты, встававшие перед поколением победителей».

Вслед за первой книгой последовали написанные в том же ключе и опубликованные в ж. «Юность» **«Единая трудовая...»** и **«Студенты двадцатых годов»**. Завершила мемуарный цикл повесть **«Юноша»** — о брате Александре, служившем губернским комиссаром социального обеспечения. Оценивая произведение Г., Р. Орлова писала: «В ее прозе глубоко трагедийное художественное повествование брезгливо обтекает грязные пороги, зато оно иногда вспенивается такой старосветской патетикой и сентиментальностью, которые напоминают не только о стиле великих авторов прошлого — русских и зарубежных, но родственны и вторичной беллетристике начала века».

Параллельно с созданием мемуарного цикла Г. писала книгу, ставшую важнейшей в ее судьбе. По свидетельству автора, рукопись существовала в двух вариантах. Один, «гораздо более резкий», носил название «Под сенью Люциферова крыла». Но этот вариант был уничтожен Г.: «Сожгла. Испугалась и сожгла». В середине 1960-х сохранный автором вариант под названием **«Крутой маршрут. Хроника времен культа личности»** был передан в редакции ж. «Новый мир» и «Юность».

В 1966 Г. переезжает в Москву. К концу 1966 надежды на публикацию рукописи у автора исчезают. Из редакции ж. «Юность» рукопись переслали на хранение в Ин-т Маркса–Энгельса–Ленина с формулировкой: «может явиться материалом по истории партии». Против публикации рукописи в «Новом мире» выступил А. Т. Твардовский. По свидетельству Г., он так оценил книгу: «Она заметила, что не все в порядке, только

тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли крестьянство, она считала это вполне естественным». В этой ситуации книга Г. начинает распространяться в самиздате. В янв. 1967 первая часть «Крутого маршрута» выходит в свет в Милане, затем публикуется во Франкфурте-на-Майне; чтение книги начинается транслировать русская служба Би-би-си. После этих событий, «в целях самозащиты» (Г.), автор дает интервью итальянской газ. «Унита», в котором делает заявление: «Книга издана за границей без моего ведома и согласия».

«Крутой маршрут» продолжил линию автобиографической, мемуарной прозы Г. Основной книги стал страшный личный опыт писательницы, проведенной 18 лет в тюрьмах, лагерях и ссылке. Автору неоднократно задавался вопрос: как вы смогли удержать в памяти такую массу имен, фактов, названий местностей, стихов? Г. отвечала: «...потому что именно это — запомнить, чтобы потом написать — было основной целью моей жизни в течение всех 18 лет». Свою авторскую задачу Г. определила так: раскрыть перед читателем внутреннюю душевную эволюцию героини, «путь превращения наивной коммунистической идеалистки в человека, основательно вкусившего от древа добра и зла, человека, к которому через все новые утраты и мучения приходили и новые озарения (пусть минутные!) в поисках правды. И этот внутренний „крутой маршрут“ мне важнее донести до читателя, чем простую летопись страданий».

В конце 1960-х — начале 1970-х Г., по свидетельству Л. Копелева, занималась переводами с немецкого: переводила письма композитора Шумана и тексты Б. Брехта к балету «Семь смертных грехов».

В 1976 Г. вместе с сыном В. Аксеновым получила разрешение на поездку в Париж «для лечения». В Париже Г. чувствовали и в ПЕН-клубе, и в редакции газ. «Юманите». Кроме Парижа, Г. посетила Ниццу. Во Франции она встречалась с М. Шагалом, В. Некрасовым, В. Максимовым, А. Синявским, Е. Эткиндром. Возвращаясь в Москву, побывала в Кельне у Г. Белля. Впечатления от этой поездки легли в основу очерка **«Смотрят морды чудовищ с высоты Notre Dame. Воспоминания о Колыме на бульваре Распай»**, опубликованного в отечественной печати впервые в 1994.

«Крутой маршрут» впервые был опубликован в СССР в эпоху «перестройки» в 1988–89 в ж. «Даугава». Приветствуя появление книги Г., А. Рыбаков писал: «Это страшная книга и это прекрасная книга. Она

разверзла перед нами бездну человеческих страданий и показала величайший образец несгибаемости человеческого духа». И продолжал: «Эту книгу написал свидетель честный и беспощадный. С каждой страницей он погружает нас в царство беззакония и произвола, в мир унижений, пыток, холода, голода, смерти, в ад великого ужаса, погубившего миллионы людей и внушившего неистребимый страх оставшимся в живых».

В. Быков, предвзято публикуя книгу Г., назвал ее «незаурядным произведением литературы». Он писал: «Вещи, о которых здесь идет речь, с трудом постигаются обычным человеческим сознанием, хотя при чтении этих строк нигде не возникает и тени сомнения в их искренности и достоверности — правда вопиет из каждого слова во всей своей наготе и неотвратимости».

По книге Г. в Московском театре «Современник» был поставлен спектакль «Крутой маршрут» (реж. Г. Волчек).

Соч.: Так начиналось... Записки учительницы. Казань, 1963; Единая трудовая... // Юность. 1965. № 11; Студенты двадцатых годов. // Юность. 1966. № 8; Юноша: документальная повесть // Юность. 1967. № 9; Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. Кн. 1. Milano, 1967. Кн. 2. Milano, 1979; Крутой маршрут. Кн. 1. Frankfurt; M., 1967; Крутой маршрут // Даугава. 1988. № 7–12, 1989. № 1–6; Крутой маршрут: фрагмент // Юность. 1988. № 9; Крутой маршрут. Рига, 1989; Крутой маршрут. M., 1990; Крутой маршрут. M., 1991; Смотрят морды чудовищ с высоты Notre Dame. Воспоминания о Колыме на бульваре Распай // Лит. газ. 1994. 21 дек. С. 14.

Лит.: Невская Б. Начало пути // Дружба народов. 1964. № 12; Рахманин Б. Долгое двадцатилетие // Лит. газ. 1967. № 48; Белль Г. [Предисл. к книге «Крутой маршрут»] // Синтаксис. Paris. 1980. № 8; Копелев Л., Орлова Р. Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // Даугава. 1989. № 6; Литвин А. Два дела Евгении Гинзбург // Горизонт. 1991. № 4; Два следственных дела Евгении Гинзбург: сб. материалов. Казань, 1994; Кораллов М. М. Декабрь и далее всегда. Евгения Гинзбург: воспоминания // Сегодня. 1995. 22 июля.

В. Е. Васильев

ГИППИУС Владимир Васильевич (псевдонимы Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) [15(27). 7.1876, Химки, близ Москвы — 5.11.1941, Ленинград] — поэт, прозаик, лит. критик.

Родился в семье чиновника. Предки Г. — немецкого происхождения. Учился в 6-й петербургской гимназии, в которой сблизился с Александром Добролюбовым. Оба они, влияя друг на друга, пытались сочинять стихи в